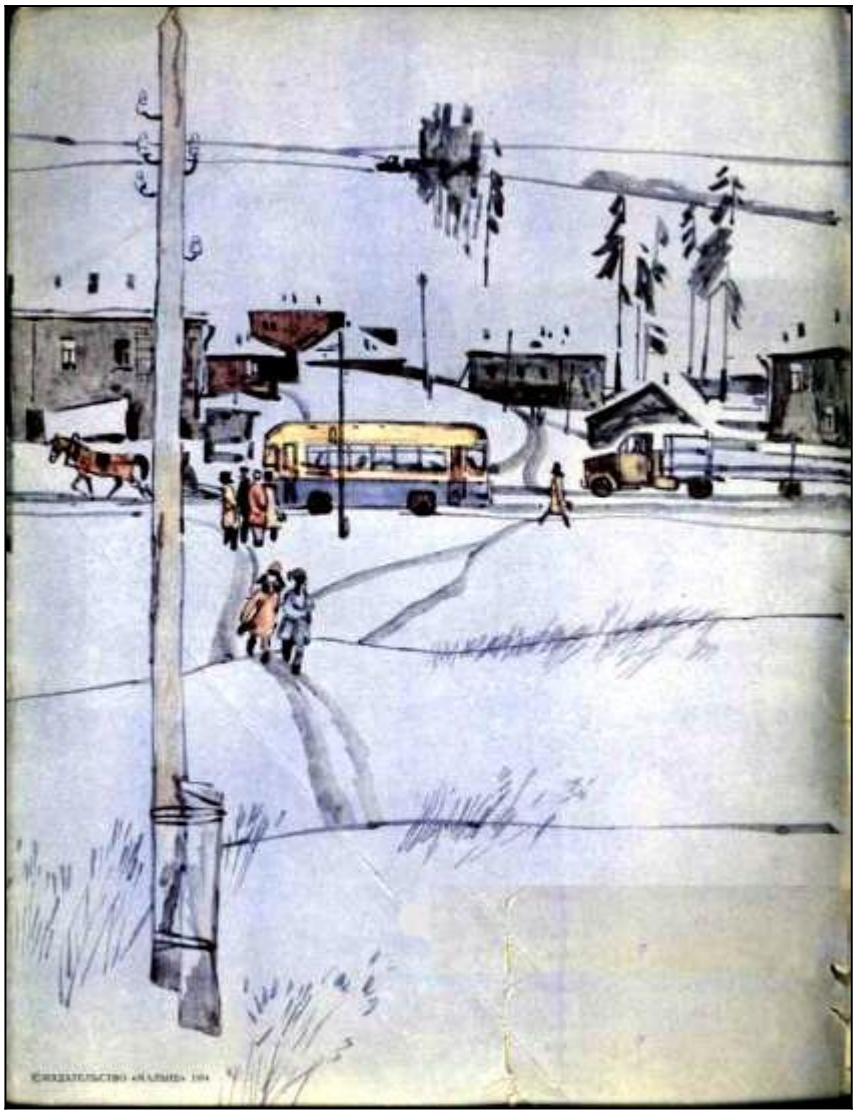
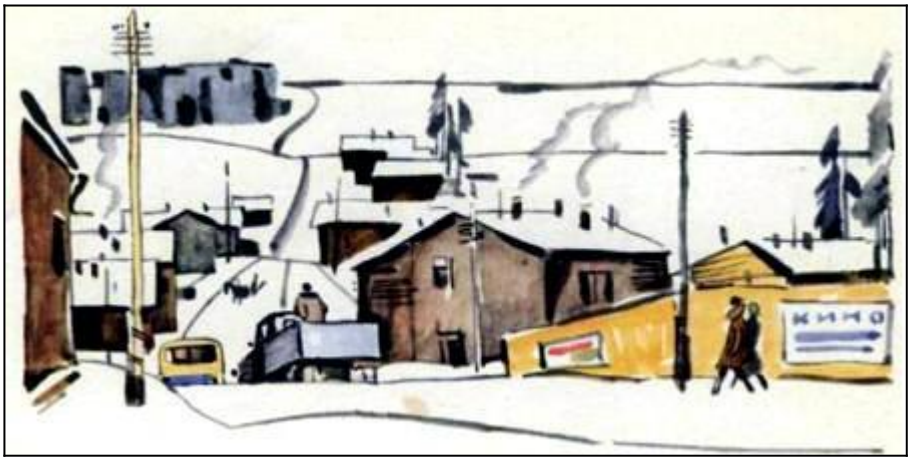




Прошёл всего год, как рабочий посёлок Тайшет стал называться городом и был отмечен на картах маленьким кружочком. Правда, улицы, поросшие молодыми берёзками и сосенками, по-прежнему назывались Первая Зелёная, Вторая Зелёная, Третья Зелёная... И на них паслись козы, телята, гуси. Но мы, тайшетские мальчишки, очень гордились, что стали городскими, и горячо спорили: станет ли когда-нибудь Тайшет больше Москвы. И вот почему. Мы часто слышали, как взрослые говорили, что со временем Тайшет соединится с Суетихой, совсем маленьким рабочим посёлком, стиснутым со всех сторон непроходимой тайгой. И уж тогда — повторяли мы — Тайшет станет чуть ли не больше столицы!

Мы все искренне верили, что наш город непременно будет больше Москвы, хотя в те годы едва ли кто из тайшетцев вообще видел нашу столицу и представлял себе её размеры.

На уроках мы точно отвечали: за какой срок человек может дойти до Луны, за сколько дней

пройдёт это же расстояние корабль пустыни — верблюд, сколько дней потребуется аэроплану…

На все эти вопросы можно было найти ответ в учебнике географии, а вот кто мог точно ответить: когда наш город будет больше Москвы?

Когда мы уже окончательно уверовали, что наш город со временем обязательно станет не меньше Москвы, к нам приехал Валерка Приходько. Он вошёл в класс как все новички во всех школах мира: чуть-чуть робко и в то же время пытаясь держаться независимо. Мы обратили внимание на его суконную гимнастёрку защитного цвета, новенький портфель с блестящим замком, тёмно-синее диагоналевое галифе, заправленное в хромовые сапожки. Каждый шаг новичка сопровождался скрипом, точно он шёл по снегу. Приходько посадили в среднем ряду на третьей парте. В этот день учительница географии Лидия Васильевна рассказывала нам о Москве. Минут за десять до перемены она почему-то заулыбалась и сказала нам:

— А теперь, ребята, Валерик Приходько дополнит мой рассказ. Он, ребята, — москвич.

Мы удивлённо разглядывали новичка. Ведь мы впервые видели мальчишку из Москвы, да ещё ровесника, и в нашем классе.

Валерка, видно, почувствовал, какое впечатление произвело на нас слово «москвич». Он встал уверенно, поправил и без того прилизанные волосы и начал спокойно рассказывать о Москве. Он говорил о метро, где подземные станции выстроены из гранита и мрамора, о движущейся лестнице без начала и конца, о Красной площади — самой красивой площади мира, Мавзолее Ленина, о часах на Спасской башне, у которых стрелки по нескольку метров, высоченных многоэтажных домах…

Мы, наверное, могли слушать Валерку бесконечно.

В классе было тихо-тихо — так не слушали ни один урок. Тридцать шесть пар глаз завидуще

уставились на счастливчика, обуравили его со всех сторон.

Тишину нарушила учительница:

— Ребята, давно уже был звонок. Идите на перемену. Тебе, Валерик, спасибо. Рассказывал интересно.

— Я бы мог ещё, — ответил Приходько.

— Хорошо, мы в другой раз попросим тебя ещё.

На перемене мы долго крутились возле новичка, не решаясь нарушить традицию, — первым должен был заговорить с нами Валерка сам. Но он молчал, скучливо разглядывая в окно школьный двор.

Первым начал разговор мой друг, Женька Чириков. Он, бегая за кем-то, вдруг остановился возле Валерки и спросил просто:

— Скажи, а ты правда жил в Москве?

— Правда, — медленно ответил новичок и высокомерно оглядел с ног до головы нашего Женьку.

— А что рассказывал, правда, сам видел? — приставал Женька, и всё так же просто, не обращая внимания на наши осуждающие взгляды.

Приходько чуть смутился, пригладил волосы и начал:

— Красную площадь видел. В метро катался…

— Так просто и катался? — удивились мы.

— Да, купи билет и катайся хоть весь день…

— Вот это да-а-а! — враз сказали все, кто стоял рядом.

Новичок спокойно продолжал:

— В Третьяковке был…

— А что это такое?

Приходько усмехнулся, оттопырил нижнюю губу, точно собирался сплюнуть.

— Это — картинная галерея. Там лучшие картины мира хранятся — Репина, Сурикова, Иванова…

Мы слушали, разинув рты.

— В Большом театре был. Там даже в «Дон-Кихоте» настоящая лошадь на сцену выходит. Такая

белая, красивая...

Звонок на урок прервал рассказ Валерия... Желая показать, что мы тоже живём в настоящем городе и не беда, что дома и тротуары деревянные и что нет троллейбусов и трамваев, я с согласия ребят послал новичку записку: «А наш Тайшет скоро будет не меньше Москвы».

Приходько несколько раз прочитал записку, заулыбался кисло. Записку он вернул, крупно написав: «Никогда!»

Не знаю, как мы поступили бы с Валеркой в тот день, если бы его не встретил после уроков у вешалки приземистый мужчина лет пятидесяти. Он был одет в белый дублёный полушубок, отороченный чёрной мерлушкой, новые валенки и серую шапку.

Голубые глаза незнакомца с любопытством оглядели нас и счастливо заблестели. Он погладил по голове какого-то малыша, настырно пробиравшегося к вешалке.

— Валера, как отзанимался? — взяв портфель из рук новичка, спросил мужчина. — Школа понравилась?

— Ничего, — пожал Приходько плечами, — а какая школа — сами видите, — равнодушно отвечал Валерка, неторопливо застёгивая пуговицы на кожаном пальто с каракулевым воротником. Пуговицы были смешные и необыкновенные — деревянные палочки в крапинку.

— А что, Валера, по-моему, школа неплохая, — почтительно возразил человек.

Мы обрадовались, что даже этот чужой нам человек не поддержал Валерку.

Наша школа на самом деле была в то время лучшей школой в Тайшете. Это была первая кирпичная школа, двухэтажная, с паровым отоплением.

— Поехали, Валерик, — пригласил человек в дублёнке новичка и пропустил его в двери вперёд себя.

Мы подождали, пока вышел этот странный дядя, а потом гурьбой повалили следом.

Недалеко от подъезда школы стоял игреневый жеребец, запряжённый в лёгкую кошёвку. На крутой шее лошади прядью лежала белая грива, хвост тоже был серебристый, а сам жеребец — тёмно-рыжий. Он сердито долбил ногой землю, грыз столб, к которому был привязан. Снег в этом

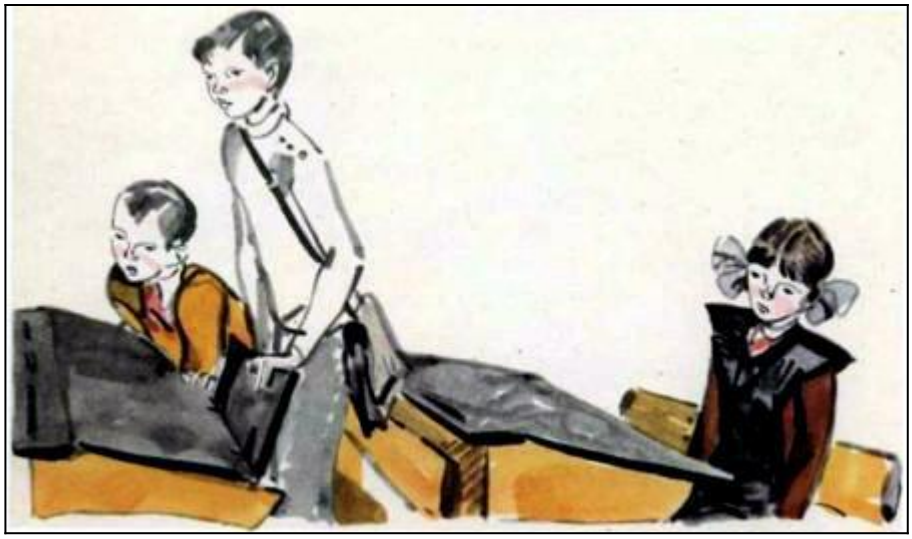
году выпал скудно, поэтому копыта жеребца швыряли комья мёрзлой земли.
— Чего балуешь? — спросил мужчина ещё издали.
Жеребец перестал долбить землю и, гордо вскинув голову, заржал звонко, потом зафыркал капризно.
Валерка шёл по-прежнему впереди мужчины, ни на кого не глядя. Он привычно отбросил с заднего сиденья лосёвую доху и плюхнулся в кошёвку. Подошёл незнакомец, положил портфель возле Приходько, поправил доху. Мы стояли в стороне и, как в кино, смотрели на всё происходящее. Для нас всё было в диковинку: и жеребец-красавец, будто только что сошедший с картинки, и игрушечная кошёвка с расписными боками и узенькими, как у детских санок, полозьями, и облучок, подшитый кожей, и этот странный дядя…

На следующий день новичок опять приехал в кошёвке. Не успел он положить в парту портфель, как к нему подошёл Женька Чириков и спросил:
— Ты — пионер?
— Пионер, а что тебе? — вызывающе ответил Валерка и пригладил как всегда хорошо уложенные, красивые волосы. Чириков тоже провёл ладонью по своей волнистой шевелюре.

— Раз пионер, так чего ездишь, как барчук? — ел глазами Валерку Женька. — Так ездили только дети буржуев в гимназии. Неужели тебе не стыдно перед ребятами? Ты ж не калека!

— А тебя что, завидки берут? — упорствовал Приходько.
— Завидки? — удивился Женька. — Да я плевал на тебя и на твою кошёвку! — и он плюнул Валерке на сапоги.
Новичок покраснел до корней волос, замахнулся, но не ударил.
— Я не ударю, у тебя вон сколько заступников, — процедил Приходько. — Но и не прощу…
— Только тронь попробуй нашего Женьку! — пригрозил я. — Дело будешь иметь со мной. — И показал ему кулак.

С этого раза мальчишки нашего класса перестали замечать Валерку.
На переменах мы уже не бегали по коридорам и не хвастались, что у нас учится настоящий москвич, а долго, до хрипоты, перебивая друг друга, спорили о Валерке, называли его «буржуином».
Обожествлённый нами Валерка был свергнут Женькой.



...В тот день погода выдалась тихая-тихая. Синее небо с седыми прожилками висело на дымовых столбах, выпирающих из труб каждого дома. Нахохлившиеся от мороза воробьи мячиками прыгали по дороге.

Я пошёл проводить Женьку до дома. Он жил напротив мельницы, возле которой всегда грудились подводы с зерном. Год-полтора назад это была окраина Тайшета, а теперь здесь выросли двухэтажные деревянные дома.

Мы шли по хорошо накатанной лесовозами дороге и гнали перед собой кусок льда. Мы были так увлечены, что сразу не поняли, когда услыхали:

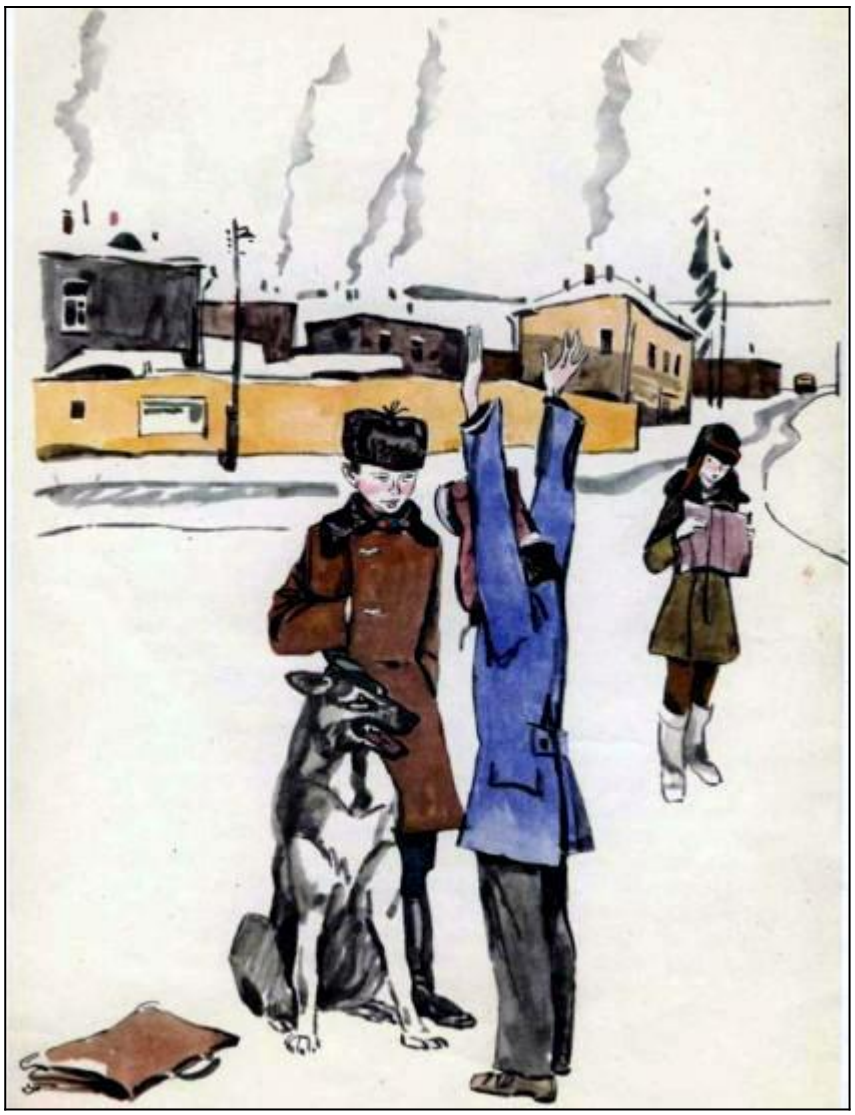
— Ну вот, теперь посчитаемся!

Едва переводя дух, мы прекратили игру и увидели метрах в двадцати от нас Приходько. Он улыбался и почёсывал за ухом огромную, красивую овчарку, которая стояла рядом с ним и лениво помахивала хвостом. Собака смотрела на нас дружелюбно, серые глаза её, казалось, усмехались.

— О, какая собака! — удивился я и стал поправлять сбившуюся на спину сумку, не в силах отвести очарованного взгляда от мощного зверя с серой подпалиной на груди и животе.

Женька насторожился почему-то и встал как вкопанный.

— Ну, кто «барчук»? — внезапно процедил сквозь зубы Валерка.



— Ты... — выдохнул Женька.

Только теперь я понял, что задумал Приходько. Вдруг овчарка, которой я только что любовался, на моих глазах стала превращаться в серого, кровожадного волка. По тому, как менялся голос хозяина, овчарка то вздыбливала шерсть на загривке, то рычала, не раскрывая пасть, отчего становилась ещё страшнее, то скалила зубы.

— Повтори, кто «барчук»? — приближаясь к Женьке, твердил Валерка.

Собака шла рядом, насторожившись, чуть-чуть опустив лобастую голову. Я не выдержал и стал медленно пятиться назад, зачем-то прижимая обеими руками к животу свою заношенную старую сумку. В этот момент за мной галопом рванулась собака.

— Рекс, ко мне! — завизжал Валерка.

Я застыл, охваченный страхом, и не мог сказать ни слова. Собака тоже остановилась в нескольких метрах от меня и повернула морду к хозяину. Валерка засмеялся весело и радостно. Он никогда так не смеялся в школе.

— Фас! — вдруг крикнул Приходько и указал на Женьку.

Собака, рыча грозно, подошла к Чирикову, села перед ним, громко залаяла. Женька бросил портфель и поднял руки. Рекс перестал рычать и только время от времени, показывая жёлтые клыки, ерошил шерсть и от этого становился ещё страшнее.

И тут случилось невероятное. Валерка подошёл к Женьке, заулыбался и неожиданно ударил его ладошкой по щеке — раз! — посмотрел, как бы любуясь, как краснеет щека, прищурил глаза,

ударил по другой.

— Вот тебе за «барчука»! А теперь ты ударь! Ударь! — напрашивался Валерка и, выпятив грудь, почти касался Женьки. Чириков стоял с поднятыми руками и, казалось, кроме собаки, никого не видел. Он пытался сделать шаг назад, но овчарка снова показала клыки и грозно залаяла. А Валерка всё улыбался и улыбался.

— Ну, ну, ударь! — продолжал настаивать Валерка.

Женька молчал. Его смуглое лицо побелело, руки, поднятые вверх, дрожали.

— Со всеми будет так, — процедил сквозь зубы Валерка и, крикнув Рекса, ушёл.

Чёрная спина овчарки долго ещё стояла перед моими глазами. На снегу остались следы от её больших лап — четыре вмятины с острыми когтями.

Наконец я робко подошёл к Женьке. Не знаю, слышал он мои шаги или нет, потому что всё ещё стоял молча, с поднятыми руками.

— Жень… Жень, — виновато начал я.

Мой друг молчал по-прежнему. Тогда я поднял портфель, отряхнул от снега и протянул Женьке.

Чириков, не сказав ни слова, взял портфель, оглядел меня с ног до головы, точно увидев впервые,

и, убыстряя шаг, побежал.

В этот день я так и не мог сесть за уроки. Вычистив стойло, дал сена овцам, корове, привёз на санках две бочки воды, наколол и натаскал дров. Потом спустил с цепи Дамку и стал науськивать её на прохожих словом «фас». Но Дамка виляла хвостом или садилась передо мной на задние лапы и удивлённо смотрела на меня своими жёлтыми глазами. Я произносил слово «фас» и громко, и грозно, и ласково, и шёпотом. А Дамка только подёргивала острыми ушами и пыталась понять, что от неё хочет глупый хозяин.

На следующий день Чириков встретил меня у раздевалки школы. Он отозвал меня в сторону и сказал:

— Смотри, никому ни слова о вчерашнем.

— За кого ты меня принимаешь? — возмутился я.

— Я так...

— Дома ничего не сказал? — спросил я, вглядываясь в лицо друга.

Он очень изменился за ночь. Как? Я, пожалуй, не мог объяснить. Вот голос у Женьки стал сиплым, это я точно уловил, — будто у него першило в горле.

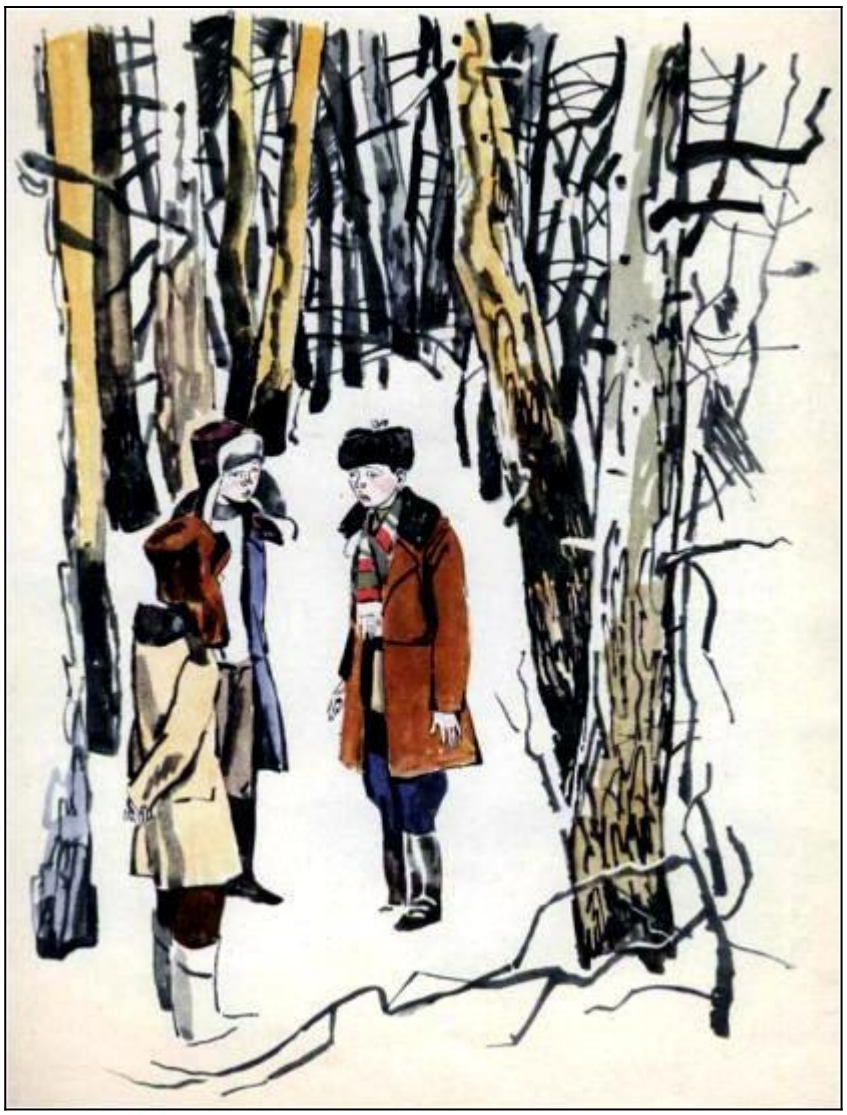
— Стыдно было говорить, — медленно сказал Женька.

Валерка зашёл в класс как всегда минут за семь до начала урока. Он был такой же выутюженный, как вчера: блестели хромовые сапожки, гимнастёрка была разглажена под ремнём спереди и собрана в гармошку сзади, волнистые волосы уложены, красивые глаза смотрели беспокойно. Как всегда к нему со всякими пустяками стали обращаться девочки. Валерка отвечал суетливо. Он почему-то ёрзал на скамейке, точно она была раскалённая. В нашу сторону не смотрел. Когда зазвенел звонок, он, наконец, уселся удобно, уверившись, что никто ничего не знает.

...Приближался ноябрьский праздник. Всем классом мы пошли в тайгу за еловыми ветками для украшения школы. Желая наломать веток получше, я и Женька углубились в тайгу и не заметили, как за нами увязался Валерка. Он шёл в метрах десяти от нас.

За ним, смеясь и крича, утопая в снегу, торопились девочки. Никто не подозревал, что мы с Женькой решили почти одновременно заманить Приходько в глубь тайги и там посчитаться с ним за всё.

Не оглядываясь, мы, как зайцы петляя между деревьев, побежали к оврагу, где, нахохлившись, стояли разлапистые ели.



Наконец, едва переводя дух, мы остановились. Наши взгляды встретились. И Приходько понял свою ошибку, которую исправить было уже нельзя...

Мы подошли к перепуганному Валерке. Долго-долго стояли молча. Должно быть, не знали, что делать с нашим врагом? Когда бежали, вроде всё было ясно — заманить и поколотить как следует.

Красивые глаза Валерки бегали испуганно, как льдышки на сковородке. Они прилипали то ко мне, то к Женьке. Приходько ожидал удара, надеялся, что его начнут бить. А мы стояли, сжавшись от какой-то стыдливой боли. Вдруг Валеркины губы затряслись, и он завопил:

— Ну, бейте, бейте! Рады? Заманили?

Потом он заплакал и стал подступать то ко мне, то к Женьке, размахивая руками.

Потом закуксился, широко раскрыл глаза, залитые слезами, точно увидел что-то спасительное, и по его лицу побежала судорога.

Валерка, захлебываясь, торопливо проглотил слёзы и вдруг сказал:

— Ха-а, Тайшет ваш, конечно, будет не меньше Москвы-ы...

Стало тихо-тихо. Мы слышали наше прерывистое дыхание и даже как будто дыхание тайги. Валерка смотрел на нас с ещё большим страхом.

— Ты не только подлец, а ещё и трус поганый! — наконец выдавил Женька. — Нужен ты нам!

— Да, заманили, заманили... — теперь уже монотонно ревел Валерка, стоя на месте.

— Ты, Приходько, гад и бурундук! — добавил я. Почему я назвал его бурундуком, симпатичным таёжным зверьком — не знаю.

— Пошли, — сказал мне Женька, измерив ещё раз презрительным взглядом жалкую фигуру Приходько. — А то замёрзнем.

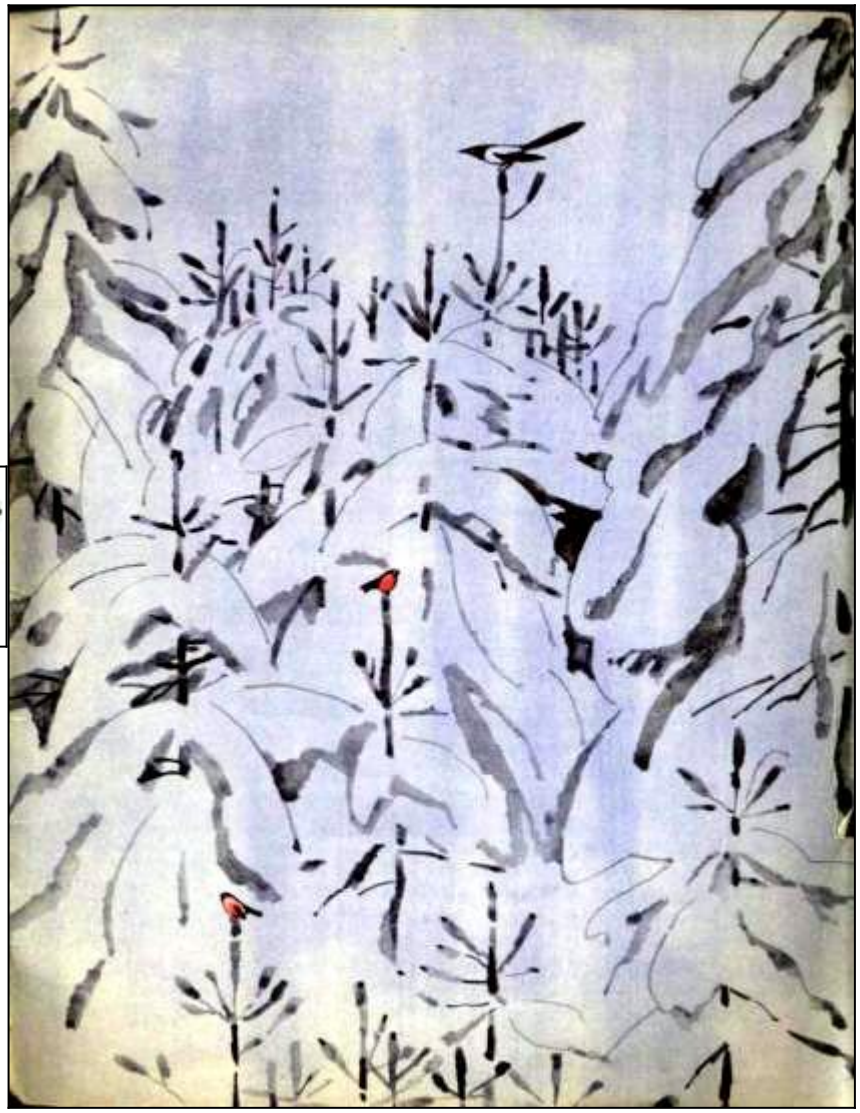
Мы, усталые, шли молча, как в тот раз. Только друг мой теперь шагал твёрдо, и казалось, будь у него крылья, он полетел бы. У меня на душе было так же хорошо и светло, и я почувствовал себя необыкновенно сильным и смелым.

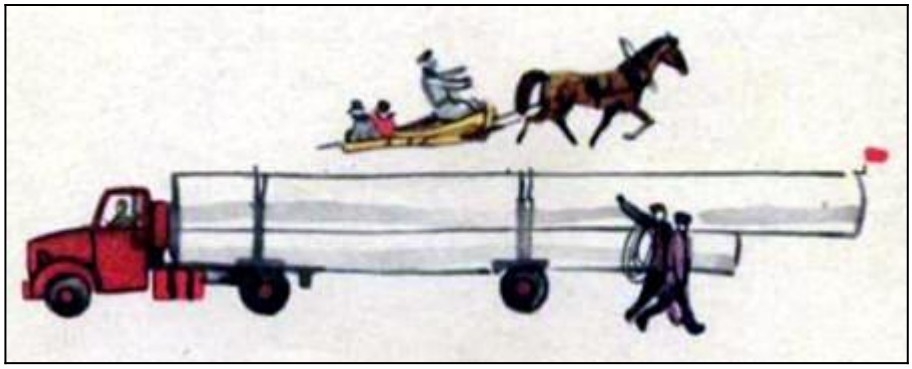
Валерка, шмыгая носом, время от времени поскуливал, как побитый щенок, и тащился за нами.

Не знаю, пошёл впрок этот случай или что-то другое, но больше Валерка Приходько не приезжал в школу на рысаке, и как-то само собой даже в школе стали относиться к нему как ко всем.

С тех пор прошло немало лет. Наш Тайшет стал очень красивым городом. По улицам, где раньше стояли пни, похожие на тумбы, и паслись козы и телята, мчатся яркие автобусы, носятся такси с оранжевым верхом.

И тайшетские мальчишки по-прежнему хотят, чтобы их город был совсем такой же, как Москва.





Иллюстрации В. Гальдяева.